

ИСТОРИЯ

УДК 944.041

НЕУДАВШЕЕСЯ БЕГСТВО ЛЮДОВИКА XVI И ПОЗИЦИЯ ЛИБЕРАЛЬНОГО БОЛЬШИНСТВА
УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ ФРАНЦИИ

С.Ф. Блуменау

В статье показано, как неудачное бегство короля способствовало сплочению разных группировок либерального большинства Учредительного Собрании вокруг конституционной монархии и сохранения Людовика XVI на троне.

Ключевые слова: Учредительное Собрание, либеральное большинство, Конституционный комитет, «похищение короля».

Бегство короля в Варенн стало шоком для миллионов французов. До этого политическое поведение Людовика казалось им вполне совместимым с курсом революции. В наказах избирателей его называли «Отцом народа», а в тексте гражданской присяги он поименовывался вместе с нацией и законом. Но продолжительная десакрализация королевской власти, как и «дехристианизация» общественных настроений влияли на умы, прежде всего, парижских революционеров-активистов. В их сознании особа короля уже не представлялась священной, а образ монархии выглядел несколько подпорченным [6, гл. 6].

В первые годы революции ненависть населения обращалась на Двор и королевское окружение, но не на самого Людовика. Отъезд его тётки за границу усилил подозрения парижан в отношении Бурбонов. 23 февраля 1791 г. толпа заставила брата Людовика XVI – графа Прованского перебраться из Люксембургского дворца в Тюильри, что облегчило контроль за королевской фамилией. 18 апреля уже самому венценосцу не позволили отправиться на пасхальное богослужение в Сен-Клу.

Из Тюильри просачивались слухи о приготовлениях королевской семьи к побегу. Но в обществе преобладало мнение о верности Людовика революции. Удивительно, что такой подозрительный субъект, как Марат, известный разоблачениями умеренных деятелей нового режима, сомневался в контрреволюционных симпатиях монарха. Получив от информатора сведения о разговорах королевы с королём об отъезде, он выступил в духе уже тогда распространенной версии о возможном похищении, к которой после неудачной попытки бегства обратятся сторонники оставления Людовика XVI на троне. По мнению Марата, монарх при всей своей слабости все же сопротивлялся предложению супруги о выезде в Варенн [2, с. 322-325]. Негативно относились к королю немногие, тем более, что собственно республиканцы были в ту пору малочисленны. Интересно, что даже в этой среде, пусть и в своеобразной форме, могли развивать ту же идею о вероятном похищении: «Он (Людовик – С.Б.) может позволить себя увести... Таков замысел двора» [4, с. 139].

Известие о бегстве Людовика XVI вызвало в Париже стихийное «иконоборческое» движение: граждане разбивали бюсты монарха, а выражения, производные от слова король, везде вымарывались. Слабые до того республиканские настроения получили большую подпитку. Застрельщиками в этом стали Клуб кордельеров и журналисты-радикалы. 21 июня кордельеры объявили себя тираноубийцами, а на следующий день подали петицию в Национальную Ассамблею с требованием установления республики. Но попытка увлечь тогда же Клуб друзей Конституции не увенчалась успехом: якобинцы в своей массе не были республиканцами. Порой, республиканские петиции приходили и из провинции, но в целом страна оставалась на монархических позициях. Да и усилившаяся демократическая оппозиция целила не столько в монархию, сколько в не заслуживающего доверия Людовика, стремясь его отрешить или поставить под жесткий контроль. Одни требовали его низложения и установления регентства при маленьком дофине, другие добивались создания опекунской структуры при действующем короле, третьи также сохраняли за ним трон, но ратовали за наличие наряду с монархом избранного исполнительного совета.

Что же следовало делать в предлагаемых условиях Учредительному собранию, оставшемуся в одиночестве единственной властью в масштабах страны? Конечно, либеральное большинство возмущалось предательством Людовика, неприятие реакционеров увеличивалось, а 9 июля был принят декрет против эмигрантов. Но отрешение короля и упразднение монархии с большой долей вероятности приблизило бы военное противостояние с Европой, которого Ассамблея предусмотрительно избегала. Тревожила депутатов обстановка на западе Франции и в Лангедоке, где общество не приняло гражданское устройство духовенства. Соединение церковной реформы с низложением монарха могло привести к трагическим по своим последствиям столкновениям, похожим на события, развернувшиеся в папских владениях.

Но лейтмотивом, определившим поведение парламентариев, было острое желание достроить и укрепить конституционно-монархическую политическую систему. Это позволило бы направить революционный процесс в спокойное русло и завершить его. Несомненно бегство короля спутало карты политиков. В их риторике чувствовалось раздражение поступком Людовика XVI. Но они не теряли надежды довести до конца дело построения конституционной либеральной монархии. Требования кордельеров и «братских» обществ, журналистов и памфлетистов клонились к альтернативному варианту. Он вёл не только к упразднению монархии, но и к продвижению революции по непредсказуемому маршруту.

Но, если без сохранения королевской власти либеральному проекту Учредительного собрания грозил провал, то нельзя ли было заменить незадачливого Людовика XVI на троне другим лицом? Для этой цели никак не подходили родные братья короля, ставшие эмигрантами и злоумышлявшие против новой Франции. Приглашение иностранных принцев создавало опасность для французского суверенитета и завоеваний революции. Кузен короля герцог Орлеанский солидаризовался с революционным движением, но общественность относилась к нему со смешанными чувствами, и он не производил впечатления надежного человека. Замена монарха на малолетнего дофина потребовала бы регента, а тогда вновь всплывали уже упомянутые и отвергнутые кандидатуры. Интересно, что Филипп Орлеанский 29 июня объявил через прессу о своем отказе от возможного регентства [8, р. 544]. На стороне действующего короля было важнейшее преимущество – легитимность. К тому же он был покладист, а неудача с бегством делала его еще уступчивей.

Но как объяснить народу сохранение короны за Людовиком, который не только бежал, но и оставил декларацию, осуждавшую революционные декреты? Как не потерять при этом собственное лицо? Сложная задача стояла перед лидерами Конституанты. На помощь им пришла распространенная еще до событий, разыгравшихся в 20-х числах июня, версия о предполагаемом

похищении короля. Именно она заняла ведущее место в выступлениях депутатов-либералов. Но речи эти не были лишены противоречивости: наряду с тезисом о «похищении» содержались рассуждения о необходимости отстранения Людовика, хотя бы на время проведения следственных действий, а призывы к спокойствию сочетались с диатрибами против заговорщиков.

В связи с исчезновением короля из Парижа от имени Конституционного комитета выступили представители «левого центра» - Деменье и Туре. Их первая реакция на события – королевская семья увезена насильно. «Интрига заговора будет раскрыта» [7, р. 385], - обещал Деменье. «Ассамблея объявляет изменником нации и короля тех, кто советом или деянием помог осуществить это похищение» [7, р. 452], - по обыкновению ясно формулировал Туре. При этом либеральные ораторы твердо отстаивали существующую политическую систему. «Великая нация приобрела свободу и может её сохранить» при условии, что «суверенитет французской нации останется постоянно привязанным к монархии» [7, р. 386], - настаивал Деменье. Он же предупреждал об опасностях, которые сулил другой путь: «начнётся с анархии, а закончится гражданской войной» [7, р. 421].

Выступления политиков «левого центра» по «горячим следам» облегчались общественными страхами – ожиданием «похищения короля». Пока ими не ставилась под сомнение готовность Людовика принять революцию. Они твердо держались избранной линии на закрепление конституционно-монархических порядков.

По мере того, как проявились обстоятельства бегства короля, с одной стороны, и обострялась реакция парижан на это событие, - с другой, риторика «левого центра» становилась более двойственной и критичной в отношении монарха. В ряду выступлений его представителей выделялся проект обращения к французам, который от имени Конституционного комитета зачитал Деменье. Ход мыслей оставался отчасти прежним, как и главный тезис. Речь шла о том, что работа Собрания успешно завершилась и её должна была венчать Конституция. Страна успокоилась, политическая жизнь входила в нормальное русло, когда враги общественного блага нанесли свой злодейский удар. Совершилось насилие, выразившееся в том, что «король и королевская семья были похищены» [7, р. 364].

В этот момент оратора прервал относившийся к «крайне левым» депутат Редерер, воскликнувший, что Людовик XVI «подло покинул свой пост». В ответ докладчик попросил дослушать обращение до конца, после чего последовали весьма жесткие замечания в адрес монарха. «Мы охаем, вздыхаем от бед, причиненных нашим королём» [7, р. 421], - сокрушался Деменье, но «требуем наказания по закону». В его речи, часто прерываемой аплодисментами, содержалось и такое грозное предупреждение: «Если король не объявит, что его увезли мятежники, то он изобличит себя перед всем миром как клятвопреступник...» [2, р. 330]. Деменье также напомнил депутатам положение уже принятого постановления, что во имя спасения государства национальные представители имеют право заменить первого государственного служащего, если тот покинет пост или будет увезен вопреки своей воле [7, р. 420].

Вечером 25 июня король с семьей был возвращен в Париж, в свою резиденцию в Тюильри. Собрание в тот же день продолжило обсуждать его дальнейшую судьбу. Риторика депутатов ужесточилась. Это вызывалось двумя факторами. Во-первых, уже не приходилось опасаться, что сбежавший король возглавит вооруженную контрреволюцию или побудит сопредельные монархии к срочному «крестовому походу» против новой Франции. Во-вторых, свою роль играло давление парижских клубистов, добивавшихся низложения Людовика XVI. Либеральные лидеры Собрания не хотели уронить обретенный у населения авторитет.

От имени Конституционного комитета выступил Туре. Он объяснил, что поначалу казалось разумным воздерживаться от заявлений о побеге монарха. Теперь, когда Людовик с семьей находится в столице, надо решать, что делать. По мнению оратора, следовало отказаться от прежних отношений между ним и парламентом, ибо «намерения и действия исполнительной власти...шли вразрез с Конституцией» [7, р. 517]. Туре говорил об охране для королевской четы, назначении гувернера для дофина, аресте тех, кто сопровождал семью венценосца в Варенн. Напуганный «монархист» Малюз предположил, что пытаются «пугем декрета посадить короля в заточенье» [7, р. 420]. Напротив, единомышленник Туре и Деменье по «левому центру» Тронше соглашался с докладчиком: «Надо придерживаться проекта комитета» [7, р. 420]. Он осторожно заметил, что еще рано давать оценку произошедшему. Нельзя определить степень виновности или невиновности участников событий: нет ни показаний, ни судебных постановлений. «Произведены аресты. Надо проводить допросы, опрашивать свидетелей» [7, р. 542].

Учредительное собрание приняло проект Комитета. Королевские полномочия временно приостанавливались, а исполнительная власть переходила к Национальной Ассамблее. Конституанта назначила из своей среды трех комиссаров – д'Андре, Тронше и Дюпора, чтобы они составили для Людовика вопросы о побеге и задали их ему. Лафайет отмечал, что комиссары продемонстрировали уважение, благосклонность, хорошее отношение к королю и королеве, с которой у них тоже состоялась беседа. Супругам дали время подумать и посоветоваться, дабы предоставить «нужные» ответы [10, р. 117-118].

В дискурсе «левого центра» так или иначе варьировались три составляющих: шок от бегства короля, реакция на натиск «братских обществ» и клубов, осознание необходимости отстоять конституционную монархию и сохранить трон для Людовика XVI. Те же настроения и соображения оказывали влияние и на другие «отряды» либерального лагеря. При этом со времени побега короля (21 июня) до его восстановления в правах (15-16 июля) происходила консолидация парламентского большинства, уменьшались, а, порой, и исчезали различия во взглядах.

За короткий период видоизменились воззрения Лафайета и его соратников. Бегство Людовика побудило маркиза, герцога Ларошфуко и Дюпон де Немура высказаться в пользу республики и наследственного президентства. При этом речь не шла ни о демократизации политической системы, ни о серьезной коррекции Конституции. На пост главы государства претендовал сам Лафайет. Но, когда стало ясно, что подобный вариант не имеет шансов на реальное воплощение, генерал и его друзья поддержали конституционно-монархический строй, солидаризовавшись с «левым центром» и «левыми» [5, с. 81]. Близкий Лафайету член Конституционного комитета Ле Шапелье в начале июля отрицательно отнесся к идее установления республики, соглашаясь с действующей ограниченной монархией [7, р. 614].

В сплочении либерального лагеря вокруг конституционно-монархической конституции и стремления сохранить Людовика XVI у власти очень важную роль сыграл Барнав, поддерживаемый своими соратниками из группировки «левых». Он возмущался антиправительственной критикой «многочисленных наказов, советов, пожеланий». К сближению с другими либерально-реформаторскими силами побуждали вызовы в отношении Тюильри со стороны протестного движения, от которого «следовало ожидать только анархии и контрреволюции» [12, р. 24-25]. Отсюда – обобщение, сделанное А. Ламетом: «Только при единении можно достичь благополучного завершения Конституции» [3, с. 228].

Тяготение либерального большинства к сплачиванию своих сил зримо проявилось в решительной поддержке, оказанной

Барнавом Лафайету в тяжелый для него день 21 июня. До того времени взгляды якобинского лидера и маркиза существенно различались, сильным было и личное соперничество двух политиков. В связи с бегством короля на командующего Национальной гвардией посыпались не только упреки в халатности, но и обвинения в измене. Барнав же защитил генерала, высказал ему полное доверие, рискуя собственной популярностью. Сближение было подтверждено взаимной демонстрацией теплых чувств со стороны А. Ламета и Лафайета. Прежняя конфронтация «ламетистов» и «файетистов» сменилась сближением.

В июне 1791 г. в «Воззвания Якобинского клуба к его обществам» Барнав заявил: «Национальная Ассамблея – вот наш гид, Конституция – вот наш призыв к объединению» [11, р. 130]. «Конституция, Конституция и только Конституция!» [9, р. 56] – вторил ему Лафайет. Речь шла о консолидации вокруг основного закона государства, предполагавшего учреждение либерального режима, гарантию гражданских прав и свобод, реализацию принципов народного суверенитета и разделения властей при сохранении института монархии. Подобные идеи разделялись и другими группами конституционалистов. Сохранения либеральной монархии с Людовиком XVI на троне активно добивался «левый центр». Того же желали умеренные реформаторы, включая «монархистов», возглавляемых тогда Малуэ.

Это сплочение либерального лагеря немедленно отметила и пресса. «Парижские революции» подчеркивали, что «патриоты, за исключением Робеспьера, Петрона, Бюзо и еще некоторых, консолидировались после неудавшегося побега Людовика XVI: Малуэ аплодировал Барнаву, Лафайет стал близким другом Ламета, больше не нужно было краснеть за разговоры с Шапелье, д'Андре, Деменье и другими. Произошло невероятное, немислимое объединение, примирение!» [13, р. 119].

Отстоять короля, вернуть ему все приостановленные полномочия – к этому стремились конституционалисты. Они не собирались ни отрешать Людовика, ни тем более предавать его суду. «Предъявлять королю обвинения было бы неразумно, политически недальновидно» [11, р. 132], – вспоминал в мемуарах Барнав. «Я всегда полагал, – отмечал Тарже, – что при монархическом правительстве длительная свобода народа во многом зависит от неприкосновенности главы» [14, р. 2].

Задачи Барнава были сложней. «Левые» или «ламетисты» проделали в Варениский период наибольшую эволюцию. Если с осени 1789 г. до весны 1791 г. они мало считались с монархом, сохраняя за ним лишь символическую роль, то теперь стремились сделать его прерогативы действительными. И объяснялось это вовсе не влюбленностью Барнава в Марию-Антуанетту, которую он сопровождал в качестве комиссара Учредительного собрания до Парижа после неудавшегося побега королевской семьи, а его глубоким анализом политической и социально-экономической обстановки того времени. Этот анализ выпукло отразился в его знаменитой речи в Национальной Ассамблее, произнесенной 15 июля 1791 г. Вот ее основной тезис: «Нам причиняют великое зло, увековечивая это революционное движение, которое разрушило всё то, что надо было разрушить, и привело нас к той точке, где нам следует остановиться... Из этого вытекает та великая истина, что если Революция совершит еще один шаг, то она не сможет совершить его безопасно; это значит, что еще один шаг по пути свободы означал бы низвержение королевской власти; это значит, что еще один шаг по пути равенства означал бы уничтожение собственности» [2, с. 334].

Барнав осознал, а другие представители «левых», «левого центра» и иные либералы почувствовали, что общественно-политическая конструкция, выстраиваемая в соответствии с готовящейся Конституцией, не может быть поколеблена в своих основных элементах. Устранение хотя бы одного «кирпичика» конституционного здания приведет к его крушению. В этом контексте недопустимы не только установление республики, но и замена Людовика XVI на французском престоле.

15 июля Собрание объявило короля невиновным в измене. И в дальнейшем многое развивалось, как тогда казалось, в соответствии с планами и установками большинства законодателей. 3 сентября 1791 г. Конституция была принята Ассамблеей, 13-го утверждена Людовиком, который на следующий день присягнул ей. С 1 октября заработало новое Законодательное собрание, ориентированное на конституционный акт.

Но стремления упрочить либеральную монархию и сохранить у власти того же венценосца наткнулись на сильное противодействие. Версия о «похищении» короля не воспринималась ни парижской массой, ни демократической общественностью, ни радикальной журналистикой. 15 июля Клуб кордельеров сформулировал петицию об отрешении монарха от власти. Утром 16-го схожий документ обнародовали якобинцы, хотя по их правилам нельзя было оспорить уже принятый Учредительным собранием декрет. Результатом стал раскол «Общества друзей Конституции»: либералы ушли от якобинцев и создали Клуб фельянов, а сторонники Бриссо и Робеспьера остались в прежней организации. За этим последовали печально известные события на Марсовом поле, когда сторонники низложения короля столкнулись с правительственными силами.

Бегство Людовика XVI, декрет Учредительного собрания о признании его невиновным, расстрел манифестантов 17 июля 1791 г. вырыли непреодолимый ров между либералами и демократами. Еще раньше в мае Конституанта приняла решение о том, что никто из её членов не может избираться в следующий парламент. Это привело к чрезмерно быстрому и кардинальному обновлению политических верхов, нарушило преемственность и подтолкнуло к смене курса. В Законодательном собрании насчитывалось немало радикалов, скептически относившихся к монархии вообще и испытывавших неприязнь к королевской фамилии, в частности [1, с. 187-188].

Дискредитация короля, падение авторитета прежних либеральных лидеров вместе с ухудшившейся экономической конъюнктурой и осложнением внешнеполитической обстановки не сулили долгой жизни либерально-монархической системе. Конституция, стоившая таких усилий, вокруг которой было сломано столько копий, просуществовала меньше года. Революция быстро радикализировалась и обретала всё более трагический характер.

The article shows how the unsuccessful flight of the king helped to unite the different factions of the liberal majority of the Constituent Assembly around a constitutional monarchy and the preservation of Louis XVI on the throne.

Keywords: Constituent Assembly, the liberal majority, the Constitutional Committee, «kidnapping of the king».

Список литературы

1. Блуменау С.Ф. Революционные преобразования Учредительного собрания во Франции в 1789-1791 годах. Брянск, 2011.
2. Жорес Ж. Социалистическая история Французской революции. Т.1. Кн. 2. М., 1977.
3. Ковалевский М.М. Происхождение современной демократии. Т. III. М., 1897.
4. Куркина Ю.В. Варениский кризис и французское общественное мнение//От Старого порядка к революции. Л., 1988.
5. Тырсенко А.В. Фельяны. У истоков французского либерализма. М., 1999.

6. Шартье Р. Культурные истоки Французской революции. М., 2001.
7. Archives parlementaires de 1787 à 1860. Première série. T. XXVII. P. 1887.
8. La Marle H. Philippe Egalité. «Grande Maître de la Révolution». P. 1989.
9. Lacretelle Ch. Dix années d'épreuves pendant la Révolution. P., 1842.
10. Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette. T.V. P., 1837.
11. Oeuvres de Barnave. T. I. P., 1843.
12. Oeuvres de Barnave. T. II. P., 1843.
13. Révolutions de Paris. 1791. № 107.
14. Target G.-J.-B. Observations de Target sur le procès de Louis XVI. P., 1806.

Об авторе

Блуменау С.Ф. – доктор исторических наук, профессор Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, *blumenausf@mail.ru*.